

DOI: 10.24411/2308-8079-2020-00010

УДК 821.161.3

**ВАСИЛЬ ДЯТЕЛ – ЛЯВОН КУЖАЛЬ:
БЕЛОРУС В РОМАНАХ И. МЕЛЕЖА И В. ГНИЛОМЁДОВА**

Пасютина Ю.Н.

В статье анализируются романы И. Мележа («Люди на болоте») и В. Гниломёдова («Улисс из Пруски») сквозь призму образов главных героев – Василя Дятла и Лявона Кужала. Отмечается, что данные произведения имеют не только некоторые точки соприкосновения, но и существенные различия в описании быта, привычек, образов главных персонажей. В частности, характер белорусов исследуется с точки зрения социотризма и персонотризма, рассматривается соответствующий тип героя – тип «нового» белоруса. Подчеркивается, что в романе В. Гниломёдова представлен главный герой с преобладающим персонотризмическим началом, в то время как у героя И. Мележа доминирующим является социотризмическое начало.

Ключевые слова: белорус, герой, земля, герой, персонотризмический тип героя, социотризмический тип героя.

**VASIL DYATEL – LYAVON KUZHAL:
A BELARUSIAN IN NOVELS BY I. MELEZH AND V. GNILOMEDOV**

Pasiutsina Y.N.

The article examines the novels by I. Melezh (“People of the Marsh”) and V. Gnilomedov (“Ulysses from Pruska”) through the central characters – Vasil Dyatel and Lyavon Kuzhal. It is noted that these novels have not only a great deal of common ground but also significant differences in the description of everyday life, habits, figures of the main characters. In particular, the Belarusian nature is studied from the point of view of sociotriзм and personotriзм, so the corresponding type of hero is considered as the type of a “new” Belarusian is analysed. It is emphasised that V. Gnilomedov’s novel presents the main character with a

predominant personality-centred principle, while a social-centred principle is observed in I. Melezh's hero.

Keywords: Belarusian, hero, land, hero, social-centred hero, personality-centred hero.

Роман – эпическое произведение, не часто встречающееся в современной литературе. Не каждый писатель осмелится взяться за такую серьёзную форму в век «контента быстрого потребления». Это делает особенно ценным цикл из шести романов Владимира Гниломёдова – белорусского литературоведа, исследователя, писателя. Его «семейная хроника в стиле барокко» в романах «Улисс из Пруски» (2006), «Россия» (2007), «Возвращение» (2008), «Васильки на границе» (2014), «Война» (2014), «После войны» (2015) стала важным событием в литературной жизни Беларуси, так как отображает жизнь белоруса в наиболее сложное время, раскрывает его мысли, надежды, мечты. Сам Гниломёдов соглашается, что роман, это «вельмі адказны жанр, працаёмкі, таму пісьменнікі ахвотней бяруцца за навелы, апавяданні», но он рискнул, так как «літаратуразнаўства не давала ўсіх магчымасцяў асэнсаваць свой час, усё XX стагоддзе, сучаснікаў, гістарычныя асобы, змену пакаленняў, якія дае белетрыстыка» [1].

Указанные выше произведения Гниломёдова были приняты критиками благосклонно. Так, В. Локун высоко оценила хронику, отметив мастерство автора [7]. З. Дроздова обратила внимание на «диалогичность» романа «Россия», «і ў сэнсе наяўнасці ў ім вялікай колькасці непасрэдных знешніх гутарак герояў. І ў сэнсе бясконцых спрэчак пра вечныя праблемы жыцця і смерці, духоўнасці і маральнай прыгажосці чалавека, сістэмы яго каштоўнасцей, якія пісьменнік нябачна вядзе з чытачом» [5, с. 136]. П. Кошман проанализировал особенности белорусского восприятия мира на основе произведений Гниломёдова, сформировав при этом наиболее полный образ родного края – Беларуси [6].

Каждый из литературоведов нашел что-то особенное, затронувшее душу, в романах Гниломёдова, однако все они сходятся в одном: «хроника в стиле барокко» продолжает традиции Я. Коласа, К. Чорного, И. Мележа. О. Русилко, например, находит сходства не только в сюжете или в образной системе произведений, но, прежде всего, в том неповторимом взгляде на «гісторыю з пункта гледжання беларуса-сялянiна, асэнсаванне зямлі і працы на ёй як асновы чалавечага жыцця». А главного героя – Лявона Кужаля критик ставит в один ряд с Михалом (поэма Я. Коласа «Новая земля») и Василем Дятлом («Полесская хроника» И. Мележа) [12, с. 157].

Нам представляется довольно интересным провести сравнительный анализ романов Ивана Мележа «Люди на болоте» (из «Полесской хроники») и Владимира Гниломёдова «Улисс из Пруски», найти в них общее, а также существенные различия в изображении главных героев данных произведений с точки зрения теории персоноцентризма.

Уже в названии обоих романов есть некоторое подобие: в них указывается место, где живут главные действующие персонажи (болото, т.е. населенный пункт, расположенный на болоте, и Пруска – деревня). Примечательно, что и Мележ, и Гниломёдов писали о родных им местах и людях, которых они прекрасно знали. Так И. Мележ родился в деревне Глинице, что в пяти километрах от Кореневки (в романе – Курени), многие жители этих деревень стали прототипами героев в «Полесской хронике». В основу цикла романов В. Гниломёдова легла биография его деда – Левонтия Михайловича. Писатель вспоминает, что был «гадаванцам» деда и бабы Фёклы Тимофеевны, которые стали его «духоўнымі бацькамі», а потому неудивительно, что описание дома, села и близлежащего городка Каменца получилось таким реалистичным [2, с. 4].

Жители Пруски гордятся своим происхождением, подчёркивают, что они не полешуки, а «старажытнае племя», «людзі тутэйшыя, пракаветнікі, не набрыдзь якая-небудзь» [4, с. 5]. Гниломёдов указывает на их необычность, особенность, а также «пачуццё некаторай як бы вышэйшасці», недаром даже

местный помещик Подгурский приписывает селу «свой феномен» [4, с. 6]. Люди они добродушные, мягкие, нерешительные, упрямые, однако была у них отличительная особенность – прускавцы умели терпеть, и в этом им не было равных. Жили, как и большинство крестьян, работая на земле, у каждого был свой надел, трудились от зари до зари, но по-другому свою жизнь не представляли. Понятие «своего» всегда значило слишком много для белорусов, ради земли готовы были на многое, ведь «была б зямля, казалі ў Прусцы, а ўсё астатняе прыдасца. Бо і сапраўды, чаго варты селянін без зямлі, каня, кароў і свіней, без уласнага бацькоўскага даху над галавой?..» [4, с. 24]. По количеству нажитого определяли достойная или нет семья, человеку с куском земли пожирнее всегда завидовали, да и любовь часто проигрывала в схватке с нажитым непосильным трудом добром. Испокон веков земля не только кормила и поила крестьян, которые в полном смысле слова зависели от нее, но и стала началом всему живому», ибо в ней заключался «способ духовного, морального самоутверждения народа: в работе сформировался нравственный облик белоруса-труженика» [8, с. 146].

Такие же размышления и у героев И. Мележа. Например, Василь Дятел, хорошо усвоив, что жизнь «не вясёлае, бесклапотнае свята, а найбольш доўгі і клопатны будзень», придерживается народной мудрости: «Трывай, цярпі! Усім цяжка бывае, усе церпяць, цярпі і ты!» [10, с. 27]. Этот факт вполне объясняет его стремление жить лучше, что зависит от плодородия земли, благодаря которой можно рассчитывать на богатый урожай, достаток в доме, уважение односельчан.

Характер полешуков Мележа определяется и условиями жизни – «Хаты былі на востраве. Вёска тулілася ля берага вострава – платы агародаў дзе-нідзе забягалі на куп'ё ўзболатка» [10, с. 2]. Это означало обособленность от других населенных пунктов, ведь «багна, што страшна разбухала ад слоты і разводдзя, адразала востраў ад свету мацней, чым гэта маглі б зрабіць абшары вадзянога прастору» [10, с. 2]. Однако люди научились так жить: и всегда были заняты «уранку і ўвечары, летам і зімою, у хаце, на двары, у полі, на балоце, у лесе...»

[10, с. 2]. Серьёзность, трудолюбие, даже некоторая суровость присущи действующим лицам романа.

Итак, герои И. Мележа и В. Гниломёдова – это люди, выросшие и работающие на земле, которая является для них одной из самых важных ценностей. В романах подробно показаны сцены, описывающие крестьянский труд (косовица, молотба, сбор урожая). Оба писателя приписывают такие черты характера белорусам, как трудолюбие, доброжелательность, желание прийти на помощь, и, конечно же, терпеливость.

В главных мужских персонажах – Лявоне Кужале («Улисс из Пруски») и Василе Дятле («Люди на болоте») наиболее ярко представлены черты характера настоящего белоруса. Невзирая на разные события, изображенные в романах, их многое роднит, объединяет.

Лявон Кужаль, или Улисс, как его прозвал Гниломёдов, – личность многогранная, интересующаяся всем, что его окружает, и это выгодно выделяет его среди односельчан. Как известно, Улисс (в греческом варианте Одиссей) – герой-путешественник, герой-воин, который побеждает не только с помощью силы, но и разума. А после выхода в свет одноименного романа Джеймса Джойса – это еще и человек, который пытается разобраться в себе и других, заглядывает в потаенные уголки души. Герой семейной хроники Гниломёдова также стремится «звездаць і зразумець навакольны свет як свет чалавечай прысутнасці, які, у сваю чаргу, далёка не абыякавы да чалавечай адзінкі і выпрабоўвае яе ўсімі магчымымі спосабамі...» [3, с. 5].

Отличает Лявона еще и то, что он учился в училище, что было редкостью в Пруске, где в основном жители не умели ни читать, ни писать. Несмотря на то, что пробыл он там только около года (из-за смерти отца пришлось бросить), Кужаль узнал много нового, не только касательно преподаваемых дисциплин, но и познакомился с запрещенной литературой, которая раскрыла ему глаза на жизнь, показала ее совершенно с другой стороны. Да и быт в городке Каменце не походил на тот, к которому привык герой: здесь жили ремесленники, торговцы, не знавшие о работе на земле ровным счётом ничего.

С семнадцати лет Кужаль стал настоящим хозяином: наравне с дедом трудился, стал добытчиком в семье. Привязанность к земле и дому была в крови прускавцев, но желание заработать, выбраться из бедности, раздать долги пересилило – в деревне заговорили об Америке, знания о которой были на уровне слухов. Сельчане были уверены, что на далеком континенте можно легко разбогатеть, а потому некоторые решили испытать судьбу. Тем временем молва о конце света и революции разлетелась по всем укромным уголкам страны, и у людей появилась смелость: отказались работать у пана за небольшую плату, начали отстаивать свои права.

Все это волновало Лявона, не проходило предчувствие каких-то перемен, одновременно нарастало недовольство собой, всем тем, что его окружало, проснулось желание разобраться во всем. Кужаль проявил себя как герой, в котором личностное (персоноцентрическое) начало преобладает над социоцентрическим, ум над привычным укладом жизни. Он много читает, однако в душе остается много неясного, непонятого, и неожиданно решает ехать в Америку. Позже Лявон признается самому себе, что поехал туда не из-за долга пану Подгурскому, не из-за сестер, которым надо приданое, нет, это был порыв души – вырваться, посмотреть, как живут люди. «Спроба ўзняцца над звывкласцю штодзённага існавання, жаданне паглядзець на сябе збоку ці, можа, нават з вышыні. Ён усё больш пераконваўся, што жыццё павінна даць нешта большае, чым гэта сумнае штодзённае існаванне» [4, с. 191]. О родине своей Лявон говорил с любовью: «Усё ж такі прыгожая наша Пруска. І ўсё тут прыгожае...», в каком бы месте ни был, рвался домой, ничто не могло сравниться с родным краем [4, с. 197].

Нелегко герою было в Америке: пришлось освоить уйму профессий, но земля звала, манила. Так он попал на ферму к бывшему украинцу, а ныне американцу – хозяину Грыцько. Пытливый ум Кужаля впитывал все новые знания, необычную и странную, на первый взгляд, информацию, учился жить по новым правилам. Оказалось, что в Америке не так все просто: с одной стороны, провозглашалось право на свободу и равенство всем и каждому, с

другой – отвратительное отношение к чернокожим людям. Набожность хозяина уживалась с удивительной жадной разбогатеть, когда, казалось, «за цэнт удушыць можа, брата роднага са свету зжыў бы» [4, с. 275]. Расчетливость и холодность отталкивали Лявона, он часто вспоминал о матери, сестрах и своей любви. Возможно, и на ферму он попал только потому, что хотелось быть ближе к чему-то родному, чем оказалась земля, которая придавала ему чувство уверенности и защищенности. Следует подчеркнуть и ответственность героя, его обязательность. Имея возможность остаться в США, он ни на минуту не засомневался, не мог отказаться от своей семьи, ведь он – хозяин дома, не имел права оставить родственников одних.

Судьба подбрасывала все новые испытания, благодаря которым приобретался бесценный опыт. Митинг на первое мая заставил еще раз задуматься о ходе жизни, о справедливости и произволе, о смысле существования и о поисках правды. Работа в Детройте у Форда преподавала очередной урок: здоровье и благополучие отдельно взятого человека равным счетом ничего не значит. Человек – это винтик в машине, который используют до тех пор, пока он функционирует. Ну, а если сломался... Лявон, который заработал болезнь лёгких на заводе, пролежал более трёх недель в больнице, оказался больше не нужен. Ему легко нашли замену, уволив без предупреждения. Интересно, что автор несколько раз обозначил любопытную деталь: на заводе не было людей, лишь порядковые номера, по которым выдавали распоряжения и расчет. Герою тяжело было свыкнуться с безразличием вокруг, с тем, что никто не поможет, даже не заметит, что был такой человек.

Тут Америка проигрывала Пруске, чувства одиночества, собственной никчемности одолевали героя. Уже не в первый раз он задавался вопросом: «Нашто я прыехаў сюды? Прывалокся, а цяпер? Хоць ты засілься! Як той Юджын... А можа, жыццё і не вартае таго, каб жыць? Бо які ж сэнс у такім існаванні? Дзе выйсце? Нешта ж давядзецца рабіць... А што рабіць? Не, відаць, мне ўжо няма месца на гэтым свеце. Гэта ж трэба было ехаць за край свету

дзеля таго, каб памерці там. А можа, я таму і прыехаў сюды, можа, лёс мой такі?» [4, с. 326].

Скитания продолжились, одна работа сменяла другую, но через некоторое время «прайшло адчуванне сваёй ніжэйшасці. Цяпер ён быў упэўнены, што стаў упоравень з усім навакольным людам» [4, с. 345]. Семь лет провел Кужаль в Америке, приобрел новый опыт, познакомился с людьми разных национальностей, стал уверенным, знающим себе цену. Вполне можно было остаться, жениться на хозяйской дочери, идти навстречу американской мечте – разбогатеть, стать независимым хозяином на своей земле. Мешало только одно: не хватало «адчування прывязанасці ці, лепш сказаць, прыналежнасці да таго свету, які яго акружаў», все вокруг было чужое [4, с. 346]. За столько лет Лявон так и не смог забыть свою Пруску и Ганну, которая не дождавшись его, вышла замуж. С чувством обиды уезжает Кужаль из бездушной страны: «Не, Амэрыку я пакідаю – раз і назаўсёды. Вярнуцца ў Амэрыку? Ніколі. Гэта ж праз яе я страціў Ганну...» [4, с. 351]. Однако автор как бы между прочим заметил, что «і праз дзесяць, і праз дваццаць, і праз больш гадоў ён не раз будзе шкадаваць, што пакінуў гэтую такую багатую на розныя дзівосы краіну, шырокую і па-сапраўднаму свабодную» [4, с. 352].

Итак, перед нами герой с персоноцентрическим началом, началом, которое раскрывает его как Личность, способную принимать решения и брать на себя ответственность за себя и судьбу родных ему людей, в чем можно убедиться в следующих романах цикла, в которых последовательно раскрывается характер Лявона Кужаля, а персоноцентризм проявляется как его основная характеристика.

Что же касается образа Василя Дятла, то он один из самых трагических в романах Мележа, что было своевременно отмечено критиками, которые, кстати, так и не пришли к единому мнению при анализе героя. Указывали на его привязанность к собственности, подчеркивали, что он, бывший бедняк, превратившийся в хозяина, стал ничем не лучше мироедов. Однако, несмотря на «чувство собственности» героя, в нем находят «светлый, настоящий

крестьянский дух творчества и любви к земле», а в его исканиях – «искренность, крупницы большой народной правды» [13, с. 49]. Кроме того, трагедию Дятла видели в непонимании направления исторического процесса, а также того, что «социализм совершается» именно для таких, как он. «Беда» Василя объясняется борьбой в его душе интересов двух «эпох»: «седой древности и новейшей реальности» [14, с. 136]. Нам все же более близок взгляд Т.В. Поляковой, согласно которому Мележ создал национальный тип героя: «человека-ревнителя, связанного с родной землей, который знает свои корни, гордится ими, привык жить только трудом рук своих, надеяться на себя...» [11, с. 36].

Василю, пока еще молодому человеку, взвалившему на себя груз домашних забот, хочется быть настоящим хозяином. Не случайно автор показывает героя в работе: на сенокосе, в поле, на дворе, подчеркивая тем самым его трудолюбие. Например, ему приносит удовольствие косьба, потому как «касіць – справа не абы-якая, мужчынская справа, тут трэба і сіла, і спрыт, умець трэба» [10, с. 25].

Дятел мечтает встать на ноги, разжиться землёй, завести большое хозяйство, можно сказать, живёт этой мечтой. К сожалению, Василь не сумел «завоевать» землю, как и не сумел сохранить свою любовь – Ганну, упустил ее, поверив людским разговорам. Мысль, что любимая собралась замуж за Евхима, больно ранила ему сердце, не давала покоя: «Дзеўкі кожная на багацце хіліцца! Думае, што дзе багацце, там лёгка будзе жыць!.. Якое шчасце сабе выбрала! Смяяцца весела ўмела, плакаць навучыцца!» [10, с. 249]. Обида, осознание своей нищеты, будто опять напомнили герою о «власти» земли: «Пачакайце, прыйдзе час – пабачыце, хто такі ён, Дзяцел Васіль! Пабачыце, усе пабачыце! Будзе гэта! Будзе яго пара!.. Ён узнімецца, пабачыце!.. Гумно снапамі наб'е! Кароў завядзе! Не адну – тры, пяць! Стаенніка завядзе! Такога, што Корч пазелянее ад злосці!.. Толькі б перадзел зрабілі! Каб зямлі, каторая ля цагельні!.. Тады – усе пабачаць Васіля! І яна, Ганна, пабачыць!» [10, с. 250].

Василь Дятел – герой социоцентрического типа, так как в нем победило общественное, природное. Социум оказался сильнее, что вполне логично, в то достаточно «жесткое» время выделиться из толпы было равнозначно самоубийству. Здесь будет уместным процитировать Мележа. Писатель определил трагедию своего героя таким образом: «...беда Василя в том, что он не видит правильного пути в жизни» [9, с. 212]. Значит, герой не просто собственник, как утверждает большинство исследователей, не человек, совершивший непоправимую ошибку вследствие непонимания происходящих событий. Василь не видит верного пути только потому, что его не существует, по крайней мере, для него.

Таким образом, произведения И. Мележа и В. Гниломёдова имеют как точки соприкосновения (автобиографичность, приблизительное время и место действия, схожая тематика, даже в некоторой степени сюжет), так и существенные различия – образы главных героев, их характер, духовная составляющая. У Гниломёдова в романе представлен образ «нового» белоруса – человека размышляющего, понимающего суть происходящего, способного разобраться в сложных событиях, то есть в нем преобладает персонцентрическое начало. У Мележа герой показан, как человек своего времени – живущий по установленным законам, не задумывающийся над ходом жизни, а главное – не желающий и даже не думающий ничего менять в жизни – герой социоцентрического типа. Тем не менее, любовь к земле, своей Родине, природе, невероятное трудолюбие объединяют героев.

Список литературы:

1. Уладзімір Гніламедаў: «Кожны пісьменнік стварае сваю літаратуру» [Электронны рэсурс] // Звязда [сайт]. 28.08.2016. URL: <https://goo.su/2kcX> (дата обращения: 06.08.2020).
2. Гніламедаў У.В. «Заставацца сабой...». Мінск: Выдавецтва «Четыре четверти», 2012. 574 с.

3. Гніламёдаў У.В. Пра беларуска-амерыканскія літаратурныя сувязі // Актуальныя праблемы сучаснай амерыканистыкі (культуралогічны аспект): матэрыялы III Міжнароднага навуковага канферэнцыі, Мінск, 27-28 студзеня 2007 г. Мінск: БГУ, 2011. С. 3-5.
4. Гніламёдаў У.В. Уліс з Прускі: раман. Мінск: Мастацкая літаратура, 2006. 380 с.
5. Драздова З. Асаблівасці мастацкага адлюстравання падзей і асоб першай сусветнай вайны ў рамане «Расія» // *Полымя*. 2015. № 9. С. 135-138.
6. Кошман П. Г. Між сваімі і іншымі: беларускае ўспрыяццё свету ў творчых працах В. Гніломёдова // *Навуковыя запіскі Бердзянскага дзяржаўнага педагогічнага ўніверсітэта*. 2016. Выпуск XI. С. 240-247.
7. Локун В. Вайна і мір Уладзіміра Гніламёдова // *Полымя*. 2014. № 9. С. 142-148.
8. Локун В. Вялікі свет маленькіх куранёў: да праблемы зямлі, чалавека ўлады «Палескай хроніцы» І. Мележа // *Кругі жыцця – кругі літаратуры: літаратурны агляд*. Мінск: ОО «БелАКК», 2002. С. 146-169.
9. Мележ І. Збор твораў: у 10 т. Т. 8. Жыццёвыя клопаты: артыкулы, эсэ, інтэрв'ю. Мінск: Мастацкая літаратура, 1983. 686 с.
10. Мележ І. Людзі на балоце: раман. Мінск: Народная асвета, 1987. 383 с.
11. Палякова Т. В. Увасабленне нацыянальнага характару ў «Палескай хроніцы» І. Мележа // *Беларуская мова і літаратура*. 2006. № 6. С. 36-40.
12. Русілка В. Магутная плынь эпохі // *Полымя*. 2010. № 11. С. 157-164.
13. Смыкоўская В.І. Творчая канцэпцыя пісьменніка: задума і яе мастацкае ўвасабленне ў «Палескай хроніцы» І. Мележа. Мінск: БДУ, 1976. 111 с.
14. Тычына М.А. Людзі на святанні // *Карані і крона: фальклор і нацыянальная спецыфіка літаратуры*. Мінск: Навука і тэхніка, 1991. С. 117-151.

Сведения об авторе:

Пасютина Юлия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурных коммуникаций Международного университета «МИТСО» (Витебск, Беларусь).

Data about the author:

Pasiutsina Yuliya Nikolayevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Foreign Languages and Intercultural Communication Department, International University “MITSO” (Vitebsk, Belarus).

E-mail: mockingbird_b@mail.ru.